БОЕВОЙ ВОРОБЕЙ

АКИ,
ПУТЯМИ ЗВЕЗД

Боевой Воробей
Аки, путями звезд

https://litres.ru/74818468
SelfPub; 2026

Аннотация

История мальчика по имени Аки, который отправился во сне дорогами звезд, чтобы помочь своему отцу.

На его пути встречаются говорящие берега, Лес кошмаров, Белый слон, Лунный Гриб и конечно же дракон.

Но все дороги рано или поздно заканчиваются. Вопрос — чем именно?

Содержание

Глава 1 (О том, как ворчание волн иногда приводит к неожиданным последствиям) 5
*** 9
Глава 2 (Все дороги ведут на Луну, на Луну все пути ведут) 12
Глава 3 (О том, как два берега никак не могут договориться между собой) 23
Глава 4 (Лес кошмаров) 35
Глава 5 (Сад цветов) 47
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Боевой Воробей
Аки, путями звезд

Глава 1 (О том, как ворчание волн иногда приводит к неожиданным последствиям)

Этот день был одним из многих дней. По правде сказать, он мало чем отличался от остальных, разве что облака выглядели слегка загадочными, а волны — более ворчливыми. Да-да, именно ворчливыми. В свои шесть лет Аки уже хорошо понимал, что значит это слово. Он иногда беседовал с драконом, тот тоже был ворчливым. Но добрым. Аки это понял сразу — не про ворчливость, про доброту. Правда, не смог сам себе объяснить, как это у него так ловко получилось — понять дракона. Наверное, сердцем. Драконы же — звёзды, а звёзды слушают сердцем, так говорят взрослые… Мальчику это показалось логичным: ушастых драконов он себе представить не мог.

Аки посмотрел на небо и слегка наморщил нос.

— Опять сердится, — печально вздохнул он.

Море под тяжестью дождевых капель стало похоже на огромное решето.

Тот самый дракон и раскрыл Аки значение слова «ворчливый». Это когда доброта переполняет сердце настолько, что то, увидев сильное горе, не успевает с ним поздороваться.

Аки так понравилось объяснение, что он тем же вечером

поделился им с отцом. Но, к печали мальчика, отец ему не поверил.

— Аки, Аки, разве можно говорить с драконом? — мягко сказал отец, ставя на полку глиняный кувшин.

Аки так и не понял, что удивительного в разговорах с самым взаправдашним драконом. Но печалился он недолго. В конце концов, дракон был. А что другие не видят его — не вина Аки.

Мальчик нахохлился.

— Всё-таки сложная эта штука — чудо. Говоришь, что слышит сердце, а ищешь уши.

Больше о драконе он не рассказывал.

Ветер начал задувать сильнее.

— Да, определённо, волны сегодня ворчливые. — Лёгким движением головы Аки чуть изменил наклон мира. — А если волны сегодня ворчливые, значит, у кого-то случилась неприятность. А если у кого-то случилась неприятность, то она непременно обнаружится и здесь. Интересно, что бы по этому поводу сказал дракон?

Они встречались на этом самом берегу — редко, что огорчало мальчика, но и вселяло надежду на новые беседы.

— Он взрослый и сказал бы что-то мудро-взрослое, как только взрослые умеют. Интересно, каким был дракон в молодости? — Аки обращался к нему именно «дракон», поскольку не мог выговорить его имя на человеческом языке. — Помнит ли он вообще себя в его молодости? Я вот совер-

шенно не помню себя в своей.

Лохматые, сырые волосы налипли на глаза. Аки вздохнул, мир вновь перевернулся.

— Аки, малыш, совсем промок, иди в дом, — окликнула его мама.

Придётся разбираться с ворчливым настроением волн после прихода неприятности. А этого очень не хотелось.

Дома пахло старым деревом и тёплым дымом. А ещё ягодным настоем… таким, который бывает только в начале осени. Малыш зажмурил глаза от предвкушения.

— Проголодался, сверчонок? — мама наклонилась и нежно погладила его по макушке, а потом посмотрела на дверь. — Папа вот-вот придёт.

Тёплый свет от лампады поиграл с тенью Акиных башмаков и тут же сбежал обратно на стену. На улице завыл ветер.

«Она опять волнуется», — подумал мальчик. Он чувствовал это, хоть никогда не говорил ей вслух.

— Мам, а видишь, свет опять играет? — мальчик указал на стену. — Тени — его рисунки, перевёрнутые вверх кармашками… Мне это никто не сказал! — он не любил врать, но не говорить же опять правду! Мама ещё больше взволнуется и обязательно не услышит.

Она засмеялась. Ну вот, так определённо лучше, дракону бы понравилось.

А потом был ужин и любимый ягодный настой. Он так хитро укачал Аки, что мальчик совершенно не помнил, как

уснул.

***

Тихое шуршание песочных часов настойчиво измеряло комнату. Спросонья малыш подумал, что над ним навис улей маленьких пчёлок, снующих туда-сюда в поисках минут.

Аки заворочался. Просыпаться совершенно не хотелось — но очень уж нужно было попить. Осторожно прислушиваясь, мальчик открыл глаза; за окном ярко светила луна.

«Опять считает свои разноцветные нити! Сегодня слишком громко», — Аки недовольно потянулся и встал.

Он чувствовал себя совершенно по-драконьи и, наверное, поэтому, увлечённый ворчливыми мыслями, совсем не заметил, как споткнулся.

За стеной на кухне послышались приглушённые голоса.

— Лодка… остались одни щепки… жемчуг унесло море… шторм, — это был папа.

Малыш так обрадовался, что тут же готов был вбежать на кухню, но что-то его остановило. Голос, папин голос… понял он вдруг. Аки никогда не слышал его таким потерявшимся.

На цыпочках Аки прокрался к маленькой щёлке. Он знал, что так делать нехорошо — нужно было сказать им… Но как же тут скажешь? Ухо мальчика коснулось стены.

— Что же теперь с нами будет? — мама… Её голос…

Аки попытался проглотить её слова, но не смог: они больно царапались. Мальчик приложил ладонь к губам, боясь се-

бя выдать. Нет-нет, плакать было нельзя. Может, он не так понял, и папа обязательно сейчас скажет, что всё-всё хорошо?

Но отец молчал.

Аки с силой сжал маленькие кулачки, стараясь облегчить что-то внутри. Но это что-то не хотело облегчаться. Малыш всхлипнул и тут же испуганно прижался к стене: если его заметят, будет совсем нехорошо.

Он осторожно отступил назад, скрипнула задетая плечом полка… и оглушительный грохот заполнил ночное пространство. Испуганно подпрыгнув, мальчик тут же бросился к себе в комнату. На холодном полу остался лишь вдребезги разбитый старый глиняный кувшин.

Было страшно. И не то чтобы страшно обнаружиться — хотя неприятностей в этом случае не избежать, — страшно быть обнаруженным.

Аки завернулся в одеяло, так плотно, как только мог. За дверью послышались шаги, мальчик замер. Нос наткнулся на запах моря и травяного масла — того самого, которым рыбаки смазывали лодки перед выходом в море. Так пах папа. Аки зажмурил глаза сильно-сильно и тут же почувствовал едва заметное прикосновение большой тёплой руки к волосам…

Рука исчезла, чуть скрипнула дверь, и шаги удалились.

Малыш шмыгнул носом и высунул голову из-под одеяла. Вокруг снова стало тихо. Даже часовые пчёлки, казалось,

улетели, забыв про свои песочные минуты. Мальчик посмотрел наружу сквозь приоткрытую створку окна. Там всё было как прежде, но только к этому «прежде» добавилось много-много ярких звёзд. Они смотрели на землю и, наверное, думали о чём-то своём — звёздном. Видели ли они его? Аки не знал этого точно, но только вот…

«Может, мне это всего лишь снится и завтра вещи найдутся на старых местах? А если не снится…? Вот бы *они* помогли…»

— Пожалуйста, если вы слышите, помогите моему папе вернуть лодку. Вы ведь такие большие, — прошептал Аки, с надеждой глядя вверх.

Звёзды молчали. Он ждал долго. Мерные тени прошлись по комнате, должно быть, тысячу раз; где-то вдалеке скрипнул дверной затвор…

Малыш в последний раз посмотрел на небо, надеясь найти там хотя бы маленький ответ — как он сам. Больше ему было не надо. Но небо, закутавшись плотными тучами, казалось, уже спало.

И лишь одна звезда ярко мигнула в далёком просвете у небосклона. Но Аки этого уже не увидел, унесясь дорогами снов…

Глава 2 (Все дороги ведут на Луну, на Луну все пути ведут)

Кто-то настойчиво копошился под ухом.

«Как не вовремя! — подумал Аки. — И кому только пришло в голову забраться под меня, чтобы стучать в ухо с той стороны?»

Мальчик недовольно засопел: ночью уже невозможно было поспать!

— Вот же вздумалось… — начал он, но тут же сообразил, что ухо находится *над* подушкой. А значит, забраться *под* него было бы очень затруднительно. А если это очень затруднительно…

Аки резко поднял голову. Из темноты на него смотрели два крохотных чёрных глаза.

— Интересно, а ты кто ещё такой?

У незнакомца было шесть лапок, панцирь и длинные усики. Выглядел он вполне дружелюбно для первого вида. Хотя вид может быть обманчив… Мальчик наклонил голову.

— Неужели самый взаправдашний сверчок? — с любопытством рассматривал он маленькое насекомое. — Ну и что ты тут делаешь?

Сверчок не ответил, продолжая смотреть на него своими чёрными глазками, не мигая. Это было, в общем-то, ожида-

емо: где ещё встретишь говорящих сверчков? Вот драконы — другое дело.

Аки потёр зачесавшийся нос и хитро прищурился. Рука аккуратно потянулась вперёд… Сверчок, почуяв неладное, возмущённо застрекотал и дал дёру.

— Стой, подожди, куда? — всполошился мальчик, запутываясь в одеяле.

— Ай! — Коленка больно ударилась об пол, но Аки не обратил на это ровным счётом никакого внимания. Нужно было срочно поспеть за новым другом: не дай бог ещё убежит!

Малыш вскочил и, не глядя под ноги, бросился прочь из комнаты. И тут — совершенно неожиданно и уж очень некстати — на его пути взялся порог. Нет, он стоял там столько, сколько Аки себя помнил. Но сегодня этот порог был особенно не в настроении.

— Ой-ёй! — Ноге уже точно было больно. — Какая неудобная реальность! Всё время обо что-то ударяешься.

Аки сел на пол, растирая ушибленную ступню. Сверчка видно не было, зато рядом лежал разбитый кувшин.

«Папа…» — он совсем забыл.

Аки тяжело вздохнул, боль в ноге уже чувствовалась не так сильно… Малыш всхлипнул.

Рядом послышалось тихое шуршание. Мальчик посмотрел вниз: на полу, прямо около его ноги, сидел найденный сверчок.

— Ты только меня не успокаивай, всё равно не поможет.

И как это он не заметил, что заплакал?

— Ты же совсем не понимаешь, о чём я говорю, да? — Аки настойчиво вытер глаза рукавом рубашки. Нет, так продолжать точно было нельзя. — Знаешь, у звёзд — тех, что висят там, на небе — есть секретные дороги. Так у нас рассказывают…

Сверчок, казалось, повернул голову, чтобы посмотреть на висящие звёзды… но тут же принялся чистить крылышки. Аки вздохнул: нет, не понимает.

— … и если по этим дорогам пройти, можно найти то, что давно искал, — проговорил мальчик себе под нос.

Аки совсем уж расстроился и даже не отреагировал на новый скрип маленьких крылышек. Сверчок стремительно поднялся в воздух и завис. Ещё секунду мальчик думал о чём-то своём, как вдруг с удивлением обнаружил, что воздух будто бы стал слишком плотным — хоть бери и иди.

— Хм, интересно, кому-то удавалось гулять по воздуху?

Он поднял ногу и попытался сделать шаг вверх. Но ступня, на мгновение задержавшись на весу, тут же соскользнула. Нет, так совершенно невозможно удержаться, всё время норовишь свалиться обратно!

Мальчик решительно задумался:

— А что, если… (как там говорил дракон?) Если под водой невозможно дышать, нужно всего лишь зажать нос. Нос и вода совсем не изменятся, чего не скажешь об их отношениях.

Аки не до конца понимал эту загадку, но попробовать же стоило?

Так, воздух есть, и много. Нога тоже на месте. Осталось всего ничего: придумать, как изменить отношения между ними.

Он взглянул на сверчка, тот всё ещё висел неподвижно под потолком.

— А что, если представить, что ноги — это крылья?

Аки принялся рьяно воображать пару стрекочущих конечностей. Он даже потёр ногами друг о друга в надежде услышать стрекот… Но ничего не происходило.

— Нет, это невыносимо! — мальчик притопнул ногой.

И тут ему на голову упала мысль. Да-да, именно упала, по-другому это было не назвать.

— А если… — нерешительно, боясь спугнуть что-то важное, начал он. — Если просто почувствовать, что воздух другой?

Он бросил взгляд на сверчка и осторожно поднял ногу. Та тут же упёрлась в твёрдую невидимую поверхность.

— Теперь главное — не расчувствоваться обратно.

Он старался дышать медленно, даже прикрыл глаза — для большей убедительности. Шаг, ещё шаг, и… голова упирается в потолок. Мальчик с удивлением открыл глаза. Сверчок был прямо перед ним.

— Вот бы ещё отсюда не свалиться, — Аки пошатнулся.

Нет, сомневаться было нельзя, а то так быстро окажешься

на полу. Аки дотронулся ладонью до потолка… шершавый. Сомнений не осталось. Он посмотрел на сверчка и улыбнулся.

Мама называла такую улыбку «интересной», и вовсе не потому, что за ней следовало нечто особенное, просто после неё Аки обязательно произносил своё любимое «интересно». Малыш, сколько себя помнил, всегда чем-то интересовался.

— Интересно, если я забрался на верх коридора, то что будет, когда я выйду на улицу? У неё ведь тоже должен быть какой-то верх.

Не успел он домыслить эту идею, как ноги понесли его наружу. Сверчок двинулся следом.

На улице было непривычно тихо. Очертания домов будто перетекали друг в друга в смазанном свете луны. Зато теперь стало отчётливо видно, как сотни цветов складываются в знакомые вещи. И почему это не было заметно днём?

Аки остановился у порога и растерянно огляделся. Нужно было двигаться дальше, но как? Сзади в макушку врезался сверчок.

— Ай, подожди, сейчас выйду! — В ответ прилетел нетерпеливый стрекот.

Ничего не оставалось, как решительно шагнуть вперёд. И тут откуда ни возьмись перед ним возникло множество дорог — причём все разного цвета.

— Интересно, когда они успели появиться? Может, я

раньше просто не обращал на них внимания? Мама постоянно говорит, что я не смотрю себе под ноги. Надо будет смотреть туда почаще.

— И куда теперь? — он задумчиво нахмурился. — Может, пробежаться по одной, а потом, если не понравится направление, перепрыгнуть на следующую?

Но (вот незадача!) стоило взгляду соскользнуть с одной дороги на другую, как предыдущая тут же исчезала.

— Так, будем рассуждать логически: нам нужен верх улицы. А чтобы туда добраться, нужно идти наверх. Вроде бы всё понятно, но совершенно запутанно.

Аки оглянулся на сверчка: тот, казалось, вовсе не участвовал в разговоре.

— Что ж, придётся пробовать самостоятельно.

Из сотен дорог Аки различил ту, которая, чуть петляя, резко поднималась вверх. Его нисколько не смутил подъём. В конце концов, до потолка дома он же как-то дошёл — дойдёт и до верха улицы.

Дорога была странно полупрозрачной. В какой-то момент она напомнила Аки лесенку у моста на речке, но лесенка не появлялась под ногами по мере пути.

Сверчок радостно перегнал его и теперь прыгал впереди, быстро стрекоча крылышками.

— Да подожди ты! Интересно, как далеко мы поднялись?

Аки посмотрел вниз, но высоты он не увидел. Вместо этого Земля показалась огромным клубком: ни домов, ни лю-

дей — лишь тысячи тысяч разноцветных шнурочков, словно вышитых на чёрной ткани.

— А мой дом тоже стал шнурком? — Аки прищурился. — Странно, почему так неудобно смотреть? Нужно как следует к чему-то приглядываться. Наверное, дело в высоте: раз уж не видишь её, то точно чувствуешь.

Наконец, после нескольких попыток мальчик смог разглядеть дом. Тот выглядел совсем игрушечным, как маленький пряник, и тут же расплывался обратно, стоило о нём позабыть.

— Если отсюда Земля выглядит разноцветным клубком, то, может, с высоты все проблемы проще распутать? Даже папины… — он на секунду замолчал, боясь спугнуть надежду.

— Может, выше получится рассмотреть ещё лучше?

Аки посмотрел вверх: улица упиралась в Луну. Потолок был найден. Но вместе с ним обнаружилась и проблема.

Внизу каждый мальчишка знал, что на Луне живёт Лунный Гриб. Взрослые постоянно пугали им на ночь, а ребята постарше сочиняли страшные истории.

В Лунном Грибе Аки не сомневался: кратеры слишком похожи на изнанку грибных шляпок. Их, наверное, и собирает хранитель Луны. А ещё он следит за сном спящих. И кто знает, как Гриб может наругать Аки за попытку нечаянно наступить на чью-то фантазию?

— А если попробовать перескочить на другую дорогу? —

мальчик оглянулся: все шнурочки рано или поздно вели на Луну.

Аки так громко размышлял, что не заметил, как к нему подкрался один любопытный кратер. И тут же, будто из-под земли, вырос маленький человечек с длиннющей бородой, как из тех самых историй.

Сверчок куда-то спрятался.

Мальчик боязливо посмотрел на Лунного Гриба, а затем улыбнулся: в самом деле, может ли быть страшен взрослый, который даже меньше него самого?

— Ты кто и по какой дороге дремлешь?

Вопрос был удивительный. И не то чтобы он удивлял больше остальных, скорее он удивлялся сам: до того чудной был его вид на слух.

— А как можно дремать по дороге? — Аки недоверчиво посмотрел на свои ноги.

В словах Гриба он не сомневался (этого ещё не хватало!). Ему просто было интересно, как далеко эти слова работают. Вот было бы здорово: идёшь рано утром с отцом в море за рыбой и одновременно досыпаешь свой сон. Мальчик даже зажмурился от удовольствия.

— Что же ты, по-твоему, тут делаешь? — поперхнулся вопросом Гриб.

— Секунду назад я, кажется, шёл, — пожал плечами мальчик: своим ногам он всё ещё не доверял.

— Откуда?

— Из дома, — Аки указал на Землю.

— Тогда ты точно дремлешь. Оттуда до Луны можно только доспать. Причём только самостоятельно… — Последнее предложение Гриб проворчал себе в бороду.

— Так по какой дороге? — настойчиво повторил он вопрос.

— По правой, — Аки развернулся назад. — По левой, — дорога внезапно поменяла своё место.

Мальчик не хотел по ошибке запутать Гриба. Сначала нужно было точно во всём разобраться.

— Ты не дури, мне для отчётности нужно, — Гриб потряс неведомо откуда взявшейся грибной табличкой с маленькими закорючками.

— А вы не могли бы ответить, почему до Луны можно только доспать? Тогда я пойму, каким образом (точнее, какой дорогой) я это сделал.

Малыш наклонил голову набок. Он всегда так поступал, когда мир требовал от него понимания.

— Дорога слишком длинная. С закрытыми глазами столько не пройти: споткнёшься о свои мысли рано или поздно, — нахохлившись, пояснил Гриб.

— Но я всегда хожу с открытыми глазами и ещё ни разу о мысли не спотыкался.

— Уверен? — Гриб подозрительно прищурил глаза.

— Не совсем. — Бородач говорил так убедительно, что Аки на секунду задумался.

— Ну вот, уже споткнулся, — пробубнил Гриб.

Аки посмотрел на ноги. Те стояли на месте. Он ради приличия пошевелил сначала одной ступней, потом другой, но они спотыкаться отказывались.

Гриб молча вытер рукавом лоб, ожидая от мальчика окончательного ответа.

— Я шёл сюда по правой, но за мной осталась левая. И если не оборачиваться назад, то она останется справа.

— Так бы сразу и сказал, — пробубнил Гриб, что-то быстро выводя у себя на табличке. — Значит, ещё один несмышлёныш, — он с сомнением глянул на Аки. — Но что-то подозревающий.

Мальчик аж поперхнулся. У Гриба на шляпе явно обнаруживался высокий апломб. Это ж надо было записать Аки всего лишь в подозревающие!

— Это почему подозревающий? Как это только подозревающий? — он даже вытянулся, чтобы на Луне была заметна его высота. Но Гриба это не впечатлило.

— А ты у меня без очереди хочешь пройти? Нарушить отчётность? — Гриб потряс перед ним своей табличкой.

Аки стало стыдно.

— Нет, простите.

— То-то же, — Гриб чуть подобрел. — Да кто…? Что опять такое? Эй, а ну стой! Да, ты, прозрачный — куда…?

Справа к одному из кратеров быстро направилась фигура в форме мужчины (именно что в форме, поскольку сама фи-

гура была совсем уж невесомой).

— Вы у меня все опять незаписанными хотите проскочить? Сколько раз говорил: сначала регистрируемся, потом проходим, — послышалось возмущение Гриба.

Аки засмеялся, до того это было забавно. Но тут его внимание привлекло отсутствие привычного стрекота. Мальчик посмотрел по сторонам — сверчок стремительно улепётывал вперёд.

— Эй, подожди меня, — он спешно перепрыгнул маленькую жёлтую воронку и погнался за длинноногим другом. Тот уже нырял в большой кратерный проход.

Глава 3 (О том, как два берега никак не могут договориться между собой)

Небо было непривычно вязким. И не то чтобы Аки привык вязнуть в небе — он вообще раньше с *ним* лично не встречался, — просто мальчик представлял себе его как-то по-другому. Так часто бывает: со стороны предметы удивительно непохожи на себя настоящих.

В том, что это было именно небо, сомнений у мальчика не оставалось: куда ещё можно было попасть, свалившись внутрь Луны? Но вот что интересно, с этой стороны взгляда облака напоминали большой туманный лаз. И приходилось сильно грести руками, чтобы хоть куда-то сдвинуться.

— Вот же прилипательные какие!

Сверчок его возмущений не разделял. Шустрое насекомое, казалось, вовсю наслаждалось прилипшими обстоятельствами и без всякого движения перегнало мальчика.

— И как ты только это делаешь? Умх… — Аки старался не отставать.

Сил на падение не оставалось вовсе.

«Не просто же так мухи вязнут в сиропе…» — напряжённо думал мальчик.

Сверчок перевернулся на спину и полетел вниз, скрыв-

шись за границей облачного тумана. Аки, насупившись, посмотрел ему вслед и остановился. Небо тут же потянуло его обратно на Луну.

«Нет, не просто так мухи вязнут в сиропе, — тоннель всё быстрее засасывал его обратно. — Там есть что-то интересное, что заставляет их пересмотреть скорость».

Нужно было торопиться: того и гляди, вернёшься к тому, с чего начал.

— А что, если в этой вязкости обнаружится секрет, который заставит меня двигаться быстрее?

Аки, в общем-то, давно мечтал попробовать небо на вкус, но всё как-то ноги не доходили. Размышляя, малыш приоткрыл рот — небо оказалось совершенно безвкусным. Более того, оно сделалось резко сердитым и, превратившись в тёмную тучку, тут же выплюнуло мальчика вниз, вместе с дождём.

— А-а-а! — Падение было недолгим: Аки тут же плюхнулся в мягкую траву.

— И стоило так сразу плеваться? — недовольно начал он.

Мальчик вскочил на ноги и возмущённо посмотрел наверх, туда, откуда только что свалился.

— Подождите, — сам себе сказал Аки. — Если я попал вниз, значит, моя мысль сработала? Интере-есно…

Он принялся ходить взад и вперёд по поляне, не замечая ни поляны, ни сверчка (тот тоже сюда свалился, и теперь, задрав голову, наблюдал за мальчиком).

— А если моя мысль сработала… А, интересно, *куда* она сработала?

Аки огляделся. Мысль сработала прямо в вечер. Вокруг растянулся луг, усеянный мелкими цветами. Одна его сторона не кончалась, другая упиралась в реку с переброшенным через неё деревянным мостом. Мальчик бы назвал эту реку морем — до того она была широкой. Но стоило присмотреться, как берега тут же приближались друг к другу.

Он наконец заметил сверчка.

— Ну и что ты тут прячешься?

Тот с непониманием уставился на Аки.

— Ты так быстро бегаешь, что я даже не успел как следует рассмотреть шнурочки! — мальчик поднял взгляд вверх. — Назад пойти теперь не получится: небо слишком сердитое.

Насупившись, он сел на землю. Было так грустно, что тут же захотелось плакать.

— Я же просто хотел понять, какой из шнурочков лучше распутать, чтобы помочь папе, — Аки хлюпнул носом.

Сверчок прыгнул к нему под ладошку и защекотал кожу. Мальчик смешно фыркнул.

— Интересно, а как это у меня получается плакать во сне? — мысли сразу стали любопытными. — Наверное, и тут вода может течь совсем по-настоящему.

Он приблизил взглядом реку-море, насколько смог, и встал.

— Посмотрим, куда нас приведёт этот шнурочек. Может,

удастся что-то распутать.

Аки показалось, что сверчок покосился на него с сомнением.

«Может, проверяет, точно ли я не засобирался плакать? Да нет, он же обычный несмышлёныш, — это слово так понравилось мальчику, что он решил оставить его себе, — только стал чуть больше с этого угла мира».

Аки в последний раз с сомнением глянул на сверчка, но тот уже беззаботно жевал траву. Мальчик тряхнул головой и посмотрел под ноги. Земля была влажной. Тропинка нехотя тянулась к пологому берегу, то появляясь, то исчезая в густой растительности.

— Берега замолчали наперебой,

Они вовсе не спорили между собой.

Разделённые надвое равенством вод,

Одиночной земле они дали восход…

Он шагал, передумывая на ходу старую считалку. Правда, Аки так и не смог вспомнить, о какой земле там говорилось. Кажется, всё же о его. Берега между тем приблизились и остановились.

— Как странно, они вроде бы рядом, но совсем не похожи. — Второй был обрывистый и скалистый.

— А если попробовать узнать у них, почему?

Аки сел на корточки и присмотрелся: на той стороне высился лес.

— Интересно, они умеют разговаривать?

— Уме-ем, — послышалось медленное журчание воды у ближнего берега.

— Ты — берега?

— Я Пра-авый.

— Правый? — переспросил мальчик.

— Пра-авый бе-ерег, — ответили ему, растягивая слова.

— А где Левый?

— Не знаю. Я с ним не разгова-ариваю, — он чуть капризно шевелил водой, будто не планировал выходить из состояния покоя.

— А почему? — Аки так хотелось это понять, что он случайно наклонил голову.

— Что почему? — раздался быстрый поток с противоположного берега.

Аки испуганно отшатнулся — до того яростный был напор.

— Э-это Левый? — мальчик посмотрел по сторонам.

Рядом сидел сверчок. Аки на всякий случай с подозрением на него покосился, но ничего странного не обнаружил. Разумеется, в пределах положенного.

Мальчик опустился на коленки и подполз чуть ближе к Правому берегу.

— Ты всё ещё со мной разговариваешь? —-еле слышно прошептал он, боясь ненароком попасть под буйный поток другой стороны.

— С тобой да-а, — растянулось течение у правого берега.

— А с ним нет.

— А ты? — проговорил он громче свой вопрос Левому берегу, отползая назад.

Ответа не последовало. Аки скрестил руки на груди:

— Так, Правый берег отзывается на мои слова, а Левый снова молчит. А если попробовать закричать?

Он подпрыгнул на ноги и что есть силы замахал руками, для убедительности:

— Э-эй, ты меня слышишь?

— Ты чего кричи-ишь? — Правый успокаивающе удивился.

— Пробую докричаться до Левого берега.

— Бесполезно, он так не разгова-аривает.

— А как он разговаривает?

— Не зна-аю, я же с ним не говорю-ю. Но те, кто мимо проходит, говорят, что мост к Левому слишком узкий, и расширя-яют его, расширя-яют. Целых три дня. А потом перестают со мной говори-ить!

— Как интересно… — Правый берег обиженно булькнул. — Ой, то есть обидно, конечно, обидно! — поправился мальчик. И чуть слышно, только для себя, добавил, — но всё же интересно, как это работает.

Аки взлохматил волосы.

— Так, попробуем порассуждать. Я хотел понять Правый берег, но нечаянно заговорил с Левым… А если снова покрутить понимание? Вдруг я тогда смогу прийти к разговору

с другой стороной.

Он чуть склонил голову набок и прищурился.

— А теперь ты со мной разговарива…?

— Р-разговариваю, — резко вклинился Левый берег. — Я со всеми р-разговариваю. И со мной всегда все р-разговаривают.

— Получилось! Со мной теперь разговаривают оба берега.

Но Правый берег теперь молчал.

Аки выпрямил голову и растерянно посмотрел на сверчка.

— И что делать? — Сверчок не ответил. — Неужели мне всё время нужно крутить понимание, чтобы услышать их обоих? Как неудобно получается!

Мальчик тяжело вздохнул. Подождите-ка…

— Левый же сказал, что с ним все разговаривают. А Правый говорит наоборот. И как понять, кто из них говорит правду?

— Тут никто не лжёт. Тут каждый говорит, что ви-идит, — затянул опять Правый.

— Тут — это где? — Аки нахмурил лоб.

— А где ты нахо-одишься?

— Я… на лугу? — завертел он головой.

— Дур-рак, — яростно донеслось с Левого берега.

— Ты что это обзываешься?! — мальчик сжал кулачки.

— А, ты *его* слушаешь? Он никогда не хочет помога-ать, но у него всегда получается наоборо-от, — принялся успокаивать Правый.

Мальчик задумался, как странно они всё-таки говорят. Вроде прямо, а будто бы по кривой.

— А ты куда идёшь? — спросил Правый.

Аки на всякий случай выпрямился: он уже научился различать берега по журчанию, но нужно было сохранять уверенность в голове.

— Распутывать этот шнурочек, то есть дорогу, — сказал он.

И чуть слышно добавил:

— Для папы…

— А заче-ем? — проявил любопытство Правый.

— А зачем ходят по дорогам? — Аки и сам не знал ответа, но, может, удастся его найти?

— Тут всё вр-ремя кто-то ходит! — Левый. — И никуда не идёт!

— С вами ужасно неудобно разговаривать! И так нужно постоянно менять угол обзора, а вы ещё и вразнобой говорите!

Аки вновь выпрямился: голова начала кружиться.

Нет, так совершенно невозможно притронуться к пониманию! Он посмотрел в сторону: по левую руку от него был перекинут большой деревянный мост.

— А может, вы, как те Два Берега?

— Каки-ие? — любопытно забурлил Правый.

— Да были у нас две земли в древности: одна ледяная, а другая каменная. Мне папа рассказывал. На первой ещё

слоны волосатые водились с длиннющими бивнями, — Аки развёл руки в стороны, показывая размер тех самых бивней.

— Нет, мы поглу-убже будем.

Аки нахохлился: он уже обдумывал, как будет кататься на волосатом слоне, а они взяли и растворились, так и не появившись.

— И почему вы не разделитесь окончательно? Всё равно ведь не общаетесь.

Он сел на песок у самой кромки воды. Та оказалась ледяной.

Надо было двигаться дальше.

— А как ты пр-редставляешь реку без одного берега? — Левый разозлился. Хотя, казалось, он злился всегда.

— Как море, большое такое. — Аки вздохнул.

Солнце уже подкрадывалось к горизонту. И тут мальчик вспомнил (правда, не знал откуда), что на мост можно зайти только на закате, до последнего луча. Он вскочил, готовясь бежать, но...

— Дур-рак! Чем, по-твоему, кончается море? — опять начал ругаться Левый.

— Берегом? — Аки резко остановился.

Он даже не обратил внимания на обзывательство. Оказывается, если его пропускать мимо ушей, можно обнаружить много интересного.

— А у моря ведь тоже есть конец! То есть всё чем-то кончается, и ничто не может быть без второго берега…?

— Не зна-аю, но я без Левого не могу. Мы с ним всегда вместе, хоть он и друго-ой… — вставил Правый.

— А если всё-всё имеет второй берег, то получается, папа не просто так мне не верит? Он смотрит с другого берега, да? Даже на дракона?

Ему не ответили, но этого уже не требовалось.

— Дракон! Точно! Он же знает, какими дорогами ходит. — Мальчик радостно подпрыгнул от неожиданного открытия. — И почему мне это сразу в голову не пришло? Эх, сложная это вещь — логика: вроде знаешь, куда себя направить, но не всегда направляешься.

Аки почиркал носком землю, а затем посмотрел на сверчка.

— И как мне искать дракона с этой стороны неба?

Сверчок, как и ожидалось, не ответил. Он лишь вскинул свою маленькую головку, наблюдая за заходящим солнцем, а затем быстро поскакал на мост. Солнце практически село.

— Ой-ёй! — Аки торопливо поклонился берегам на прощание и побежал за сверчком. Ведь если не успеть, то никаких драконов не будет.

— Осторожно с доще-ечками, они колючие, — напутствовал Правый.

— Спасибо! За всё! — лишь успел крикнуть мальчик, прыгая в переход.

Мост был старый. Толстые деревянные перила были изборождены глубокими трещинами. Канаты почернели от ила.

Доски и те лежали неровно — того и гляди споткнёшься и свалишься в реку. Одним словом, при взгляде на всё это можно было подумать, что переправа вот-вот развалится. Но Аки был уверен: прочнее моста он вряд ли когда-либо встречал.

Он сделал аккуратный шаг…

— Иу, — болезненно завыла первая дощечка.

— Ой, — заскрипела вторая, когда Аки на неё наступил.

Мальчик перепрыгнул разом через несколько и пошатнулся. Задняя дощечка вероломно ударила его по ноге, поручень всадил в руку занозу.

— Да что ж такое! — он остановился в центре переправы. — Они, наверное, как и Лунный Гриб, не любят, когда тут без очереди ходят.

Аки посмотрел вниз — бурная вода, пенясь, уносилась прямо в тёмный лес. Нет, сваливаться вниз было никак нельзя. Оглянуться не успеешь, как очутишься в самой чаще.

Рядом на перилах сидел сверчок, того дощечки не трогали.

— А что, если перепрыгивать, но осторожно?

Аки встал на носочки и перескочил на следующую дощечку. Та жутко заскрипела. Мальчик так испугался, что чуть кубарем не полетел вниз.

— И хочется им так пугать? — недовольно начал он.

Но тут ему под коленку ударила какая-то палка.

— Ай, — он перескочил ещё через пару дощечек и упёрся

ногой в последнюю. До земли оставался один шаг… Дощечка завыла, будто разлетающаяся в щепки лодка. И настолько жуткий был этот звук, настолько знакомый, что мальчик, забыв всё на свете, бросился в густой лес, который высился за переправой. Он боялся, что разбудил свой самый большой страх.

Глава 4 (Лес кошмаров)

Ветка больно хлестнула по лицу. Прыжок, поворот, ещё поворот… С каждым движением становилось всё темнее. Вдалеке нарастал нервный шелест. Покрытые вековым мхом корни деревьев терялись в сумерках. Казалось, ещё чуть-чуть — и кольцо теней сомкнётся.

Громко заухал филин. Аки знал, что нужно успеть, но куда — не имел понятия. Страх нагонял его слишком быстро.

Бум!

Рядом свалился камень. Сверчок испуганно подпрыгнул и скрылся где-то между ветками. Аки припустил быстрее: начинался камнепад.

Явление это не то чтобы редкое, просто оно не случается практически никогда. По крайней мере, в пределах Земли. Мальчик слышал о камнепаде, но сам в нём не участвовал — во всяком случае, намеренно.

— Ай-ай! — запыхавшись, Аки чуть было не врезался в огромный пень.

Камнепад усиливался.

Один шустрый булыжник шлёпнулся прямо мальчику под ноги. Но стоило Аки на него наступить, как камень превратился в облачко грозового шума и исчез. От неожиданности мальчик потерял опору и кубарем полетел к ближайшему дереву.

— Нет, это место абсолютно невыносимо!

Дерево, недолго думая, обсыпало его иголками.

— Да что ж такое! — Аки закашлялся и откинулся на толстую моховую подушку у корня.

Густая крона почти не пропускала камни: можно было выдохнуть на мгновение.

— Вот так бежишь-бежишь и всё равно от страха не убегаешь! Какой-то он неубегаемый, — сердито заключил Аки.

Сквозь просветы в ветвях было видно, как небо облепили звёзды. Им вообще нравилось там находиться. Повиснут себе и ходят по кругу, пока этот круг крутится.

— Вид там у них хороший, что ли?

Голова зачесалась от иголок.

— И опять болтают между собой. А мне ничего не слышно! Этот камнепад ужасно шумный!

Аки попытался отыскать своего дракона. Но тот сегодня, видимо, был совсем не в настроении болтать.

— А ещё говорит, что любит разговоры завязывать!

Надо было бежать дальше, но этого уж очень не хотелось, тем более что дорога была потеряна.

С огромной коряги, нависшей над головой Аки, спрыгнул сверчок.

— Осторожнее, носятся тут всякие… — прокряхтели откуда-то сверху.

— А? Кто? Где? — Мальчик вскочил на ноги и быстро-быстро завертел головой. Та, к счастью, вернулась на

прежнее место, но взамен завертела весь мир.

Аки пошатнулся и плюхнулся обратно в мох.

— А это коряга, она вечно возмущается, — сбоку раздалось весёлое причмокивание.

Из-под коры на мальчика смотрели два сморщенных глаза.

— Ой, самый взаправдашний говорящий пень!

Полноватый, чуть скрученный от старости, он стоял прямо рядом с Аки и улыбался глубоким морщинистым ртом.

— И не такой уж говорящий, — пробурчали опять сверху. — Это ты так громко бежишь за своими страхами, что всех нас перебудил.

Аки поднял голову. Изогнутая, покрытая мхом коряга внимательно его изучала. Она напомнила мальчику гигантскую змею, когда-то давно отползшую от дерева. (Так вот кто первым с ним заговорил!)

— Простите. — Аки опустил взгляд, но вина тут же уступила место интересу: — А с чего вы решили, что я бегу именно за страхами?

— А тут все за ними бегают, — добродушно заметил пень.

— Зачем?

— А кто ж их знает, — ответил пень. — Ты сам зачем за ними бегаешь?

— Я убегал от них, так у нас говорят.

— Где это «у нас»? — прокряхтела коряга.

— На Земле, — пояснил мальчик.

— Так это от вас нам всё время шумы задувает? — возмутилась та опять.

— Шумы? Шумов я ещё не находил, — Аки огляделся.

— Хех, — простодушно рассмеялся пень. — Так это ж ваши тяжёлые мысли и страхи к нам из кратеров задувает, а они потом каменеют тут, грохочут. Бывает, столкнутся между собой в небе и ещё больше станут, а иной раз как в землю врежутся… и исчезают. Но не всегда, больше залёживаются. И надымят, и облаков при столкновении нагонят — так, что нам иногда даже себя не видно.

— Получается, эти камни и есть шумы? А шумы — это тяжёлые мысли и страхи? Как интере-есно…

Мальчик вытянул шею и посмотрел наверх: небо сердито сбрасывало с себя последние камни.

— Говорил мне дракон, что вокруг Земли много шума. Но кто же знал, что этот шум ещё и падает на голову!

— И почему именно страхи и тяжёлые мысли? — спросил он чуть погодя.

— Другие обычно настолько нагло не каменеют и уж тем более так некрасиво себя не ведут, — буркнула коряга.

— И не дымят, — задорно добавил пень.

— А я думаю, от чего я всё время убегаю…

— Говорю ж тебе: тут все *за* страхами бегают, — поправил пень. — Это ж, чтоб *от* них убежать, нужно не знать их в лицо. А ты, судя по твоему топоту, очень хорошо свои страхи в лицо знаешь.

Аки задумчиво сдвинул брови:

— Нет, совершенно непонятно. Если я знаю, как мои страхи выглядят, то я точно бегу от них, чтобы случайно с ними не встретиться. Ведь при встрече они ещё и исполниться могут!

— По-моему, всё предельно ясно, — коряга заскрипела сверху. — Когда ты что-то знаешь и при этом боишься, где это что-то у тебя находится? За тобой или перед?

— За? — Аки уже не был так уверен.

— А откуда ты тогда знаешь, что убегаешь от этого? — удивилась такой логике коряга. — Нет, чтобы от чего-то бежать, это что-то всегда должно быть перед глазами. А если это перед глазами, то уже бежишь не от него, а за ним.

— Я никогда *так* об этом не думал, — мальчик растерянно прикусил губу. — Но как же сделать так, чтобы его не было перед глазами?

— А чтобы не было перед глазами, нужно не знать его в лицо, — вклинился пень.

— Когда не знаешь что-то в лицо, то не встречаешься с этим в жизни, — подхватила коряга. — Ты вот встречался хоть раз с тем, чего не знаешь в лицо?

— Вряд ли, я бы запомнил, — Аки хлюпнул носом: после камнепада становилось прохладно.

— Как же это всё запутанно! И как тогда убежать от того, что знаешь в лицо? Нельзя ведь это снова развидеть, — малыш серьёзно задумался. — А что, если… А что, если не

бегать за страхом, а просто изменить с ним отношения? Но как?

Аки откинул голову на мох — тот был влажный и мягкий. Лес напоминал гигантскую паутину: пространство, окутанное плетением ветвей, дрожало, шелестело на ветру, будто стараясь удержать ускользающую мысль. Пальцы на ногах замёрзли. Мальчик осмотрел свои ступни.

«А если попробовать, как с воздухом? Нет, не подходит. Хотя…?»

— Придумал! — Аки резко подскочил. — Нужно сплюхнуть важность страха. Тогда его лицо изменится, и я его уже не узнаю.

— Так… — Мальчик почесал подбородок. — Нужно попробовать прыгнуть прямо на свой страх. Вдруг тогда он превратится в грозовое облачко и растеряет всю свою важность?

Аки обошёл дерево в поисках упавших с неба камней. Их оказалось слишком много.

— И как обнаружить, какой из упавших страхов мой? — он скрестил руки на груди.

— А ты его позови, — посоветовал пень, всё это время внимательно следивший за мальчиком.

— Позвать?

— Ну да, как он звучит, так же и выглядит, — ответил пень и на всякий случай добавил: — Только ты осторожнее: страхи очень шумные.

— А, понял! — мальчик хлопнул в ладоши, а затем, прикрыв глаза, тихо произнёс: — Я боюсь… я боюсь, что папа навсегда останется потерявшимся.

Он зажмурился и сжал кулачки, будто опасаясь, что от одного произнесения страх сделается настоящим. Но снаружи ничего не менялось. Аки осторожно приоткрыл сначала один глаз, затем второй… Важность страха обнаружилась только внутри него самого.

Чуть осмелев, мальчик присмотрелся. Ближайшие камни казались совершенно незнакомыми. Но вдруг он ошибался?

— А можно проверить? — с надеждой уточнил Аки.

— Ну так кто ж тебе запрещает, — усмехнулся пень: он явно предвкушал веселье.

Аки с опаской наступил на ближайший булыжник… Камень зашипел и, превратившись в грозовое облачко, растворился.

Сверчок с интересом наклонил голову набок, а затем с размаху плюхнулся на увесистую гальку. Та сразу исчезла под натиском шустрого насекомого.

— Й-и, Й-и! — весело пропиликал сверчок и запрыгал дальше.

Аки перескочил на следующий камень, побольше.

— А этот, смотри… вот так его!

Пуф! Пуф! Пуф!

То тут, то там раздавалось шипение, и следом вздувались маленькие грозовые облака. Пространство леса начало на-

полняться туманом.

— Там ещё есть страхи, и там… — Глаза Аки разбегались: камней оказалось слишком много.

Сверчок, запыхавшись, высунул маленький язычок и принялся наблюдать за мальчиком. Аки нацелился на валун. Прищурившись и прикинув расстояние, мальчик с разбегу на него налетел.

— Вот так тебя! Ой! — Аки испуганно отскочил.

Валун возмущённо зашипел и раздулся свирепой тучей. Оттуда выглянул здоровенный бородач. Он сердито глянул на мальчика сверху вниз… И тут из тучи выскочил маленький зайчик. Бородач испуганно расширил глаза и завизжал. А затем кинулся прочь. Заяц, недолго думая, погнался за ним следом. Туча схлопнулась и исчезла.

Аки непроизвольно хихикнул.

— Осторожнее, страхи иногда отвечают, — прошелестела сверху коряга, ей тоже стало весело.

Мальчик наклонил голову.

— А они ведь совсем не страшные. Только очень шумные.

Уши от визга бородача чуть заложило.

— А то, ещё какие шумные, — засмеялся пень. — Я ж тебе говорил.

Всё вокруг теперь не выглядело таким пугающим, а представлялось очень даже загадочным и требующим немедленного испытания на прочность. Аки прищурился.

— Интересно, а страх я всё-таки плюхнул? Или можно

поплюхать ещё, для надёжности?

— А ты всё ещё боишься? — Голос коряги подобрел: ей явно нравилось, что шума стало меньше.

— Да вроде не очень, — Аки вдруг обнаружил, что, пока он сплюхивал чужие страхи, лицо его собственного изменилось. — Как интересно! Я никогда бы не подумал, что это работает и в такую сторону.

Туман начал рассеиваться. Камни, явно растерявшие часть прежней важности, притихли и как-то сдулись. Земля постепенно высыхала. Даже лес и тот совершенно неожиданно засиял.

Аки посмотрел на небо.

— Так много света… Неужели эти шумы мешали ему спуститься? Вот же какие! — от возмущения мальчик даже притопнул. — А вон и дорога! Выходит, она всё время была у меня под носом?

Сверчок подскочил к ноге Аки и что-то прострекотал в ответ. Мальчик уже готов был двинуться дальше, но…

— Я всё ещё хочу найти дракона, чтобы помочь папе. Но как?

— Так помочь или найти? — дотошно спросила коряга.

— Я думал, что это связано: я нахожу дракона, он рассказывает, какими дорогами ходит, и я понимаю, как помочь папе, — мальчик задумчиво сдвинул брови. — Разве не так?

— Откуда я знаю, — ответила коряга. Аки показалось, что, если бы у неё были плечи, она бы точно ими пожала.

— О-хо-хо, как у тебя всё завёрнуто — так сразу и не развертеть. Что думаешь, коряга? — задорно добавил пень.

— А что тут думать? — ответила та. — Ты ему хорошие камешки покажи. Желательно два, на всякий случай.

— А разве есть и хорошие камни? — Аки навострил уши.

— А то ж! Только плохие, что ли, по-твоему, водятся? У нас и хорошие имеются. Хо-хо. Просто они совсем маленькие, да и прячутся слишком далеко от глаз.

— Но я же мог их случайно раздавить, — испугался Аки.

— Эх ты, малышня, такие не раздавишь, это ж тебе не страхи какие-то. — Пень на секунду задумался. — Так, значится, слушай сюда. Обойди меня, давай-давай, не бойся…

Мальчик несмело повиновался.

— …А теперь наклонись чуть вбок. Вбок, говорю! Левее, да нет, левее же! Да, сюда. Вот этот жемчужный камешек, бери его. Да бери, не бойся!

Камешек был совсем крохотным, но таким приятным на ощупь. Тёплым…

— Так, что там дальше? — Пень опять задумался; Аки даже показалось, что тот уснул. — А, да... Три шага вправо. Вон, видишь то соседнее дерево — около него. Оно чуть пугливое, но будем надеяться, не убежит.

Аки аж икнул: он не мог представить, что деревья способны бегать. Однако на всякий случай спорить не стал и прокрался к указанному месту на носочках.

— А теперь наклонись, только не быстро, знаю я этого…

— Пень строго покосился на пугливое дерево. — Во-от, так, да. Видишь жёлтую гальку? Бери её!

Второй камешек оказался чуть больше первого и холоднее.

— Ну вот, — удовлетворённо улыбнулся пень.

— И эти камни приведут меня куда надо? — Аки с восторгом разглядывал подарки.

— Надо не надо, а приведут, — философски заключила коряга.

Аки спорить не стал: все они тут говорят как-то шиворот-навыворот — голову сломаешь, пока поймёшь.

Мальчик разложил камешки по карманам и поклонился на прощание:

— Спасибо!

— Да будет! — растрогался пень. — Заглядывай ещё.

— Только уже без лишнего шума, пожалуйста, — скорее по привычке пробухтела коряга.

Аки ещё раз поклонился (вежливости, как и сладостей, много не бывает) и, напевая что-то весёлое под нос, выбежал на дорогу. Сверчок, повторив поклон за мальчиком, поскакал следом.

— А знаешь, этот лес совсем не такой, каким виделся в начале, — Аки легонько потрогал карманы. — Если, конечно, правильно с ним познакомиться. И чего все так его боятся?

Сверчок пропиликал что-то в ответ и закатил глаза.

— Да, я испугался! И ты, между прочим, тоже. Вот смешно: я испугался!

Аки захохотал и вприпрыжку пустился к выходу. Ему всегда было интересно, чем обычно кончается лес.

Глава 5 (Сад цветов)

Но лес всё не кончался. Они прошли уже минут двадцать, хотя в этой части света время текло совершенно по-другому. Да и вообще, на свете ли они находились или за его пределами?

Аки вспомнил разноцветный клубок.

— Наверное, всё же за пределами, — он задумчиво хлюпнул носом. — Ведь нельзя же одновременно быть на свете и за его пределами? Так никаких пределов не напасёшься.

— И, и, — сверчок уверенно кивнул.

Нависшие ветви то расступались, то снова заслоняли собой окружающий мир.

— Какой длинный всё-таки этот лес! В конце концов, это уже неприлично — так долго водить меня по кругу обещаниями!

Аки становился вредным, а этого он до ужаса не любил. Как топнет, как закапризничает и обязательно что-нибудь уронит, а ещё хуже — разобьёт, и потом делается очень стыдно. Но вредность, она такая… непредсказуемая и слишком большая, чтобы маленький Аки мог с ней справиться самостоятельно.

Лес, будто почуяв неладное, начал потихоньку отступать. Даже ночь — и та стала медленно расходиться. Аки выдохнул. Из-за горизонта осторожно выглянул рассвет.

Впереди, под навершием тяжёлых ветвей, показался едва заметный проход. Ну как проход? Он походил скорее на лаз, тянувшийся куда-то в утро.

Мальчик медленно сделал шаг и, чуть согнувшись, заглянул в густой плетёный тоннель.

— Так вот чем кончается лес! — В просвете между ветвей показался сад.

Аки наклонил голову: о таком он бы точно не подумал. Он посмотрел ещё раз.

Цветы, росшие вдоль лучистых тропинок, были ростом едва ли меньше обычных деревьев. Правда, не все: находились и совсем крохотные, размером с маленькие пухлые ягоды. Они боязливо прятались под бутонами более крупных соседей или укрывались в тени громадных листьев.

Мальчик остановился на границе леса. Обернувшись, он в последний раз посмотрел на деревья. Те, заливаясь предрассветным румянцем, помахали ветками.

Аки нырнул в ветвистый лаз. Лес, казалось, выдохнул с облегчением.

Проход над головой сужался, пришлось даже опуститься на колени и пробираться ползком. Старые ветки (совершенно бесстрашные и, надо признать, ужасно вреднючие) пытались напоследок схватить Аки за рубашку, но он ловко от них уворачивался.

— Да ну вас, прилипли хуже облаков! — Его собственная вредность, оказывается, всё это время тоже была рядом.

Аки наконец умудрился пролезть на другую сторону. Отряхнув коленки, он с сомнением покосился на огромный ландыш: тот чуть было не задел малыша своим колокольчиком.

— Какой-то этот сад неправильный, как думаешь? — шепнул он сверчку, чудом протиснувшемуся следом.

Ландыш отвернулся.

— Ну и ладно, ну и не надо со мной разговаривать! Я, может, тоже разговаривать не хочу!

Аки с силой топнул: сверчок аж подпрыгнул от испуга. Земля и та взбугрилась, пошла трещинами, а затем маленькой земляной горкой поплыла вперёд.

— Ой-ёй! — мальчик закричал и отскочил назад, к лазу.

Из-под рыхлой горки выглянул длинный кротовый нос.

— Уже за урожаем пожаловали? — спросил пушистый незнакомец.

— З-за каким урожаем? — испугавшись, Аки начал заикаться. Ну её эту вредность, точно ничего хорошего не посоветует!

— Как обычно, какой сажать изволите, такой и получаете, — излишне торжественно ответил Крот.

— Я вроде ничего тут не сажал, — Аки поглядел по сторонам.

В правом кармане что-то подскочило.

— Ой, а может… вы к дракону случайно путь не показываете? По камешкам, — спросил он тут же.

— К дракону? К дракону, пожалуй, нет. Они все на своих озёрах живут. А туда без разрешения входа не найти, — Крот изящно вылез из-под земли и поклонился. Он напомнил Аки чудаковатого господина, вечно снующего между морей.

— Крот, очень приятно! А как тебя будут звать, мой маленький друг?

— Родители обычно называют меня Аки, — мальчик поклонился в ответ.

— Ну что же, будем знакомы, маленький Аки. А не будешь ли ты столь любезен составить мне компанию? — Крот изящно указал на тропинку, уходящую вглубь сада.

Аки присмотрелся: цветы вызывали явный интерес.

— Наверное, всё же буду, — он ещё раз поклонился.

— Отлично! Тогда я, с твоего позволения, покажу свою коллекцию, — Крот потёр пушистыми лапками. — Она у меня просто потрясающая, просто потрясающая!

Они двинулись вдоль тропинки. Сверчок, ещё немного подросший после лаза, с любопытством смотрел по сторонам. Аки подумал, что переходы как-то странно влияют на его друга — не дай бог, так до собаки дорастёт. И как тогда возвращаться на Землю? С новым ростом другие сверчки его точно засмеют.

— А что у тебя за камешки? — вежливо поинтересовался Крот, выдёргивая Аки из озадачливых мыслей.

— Вот, — малыш вынул подарки из карманов и протянул их на ладошках.

— Где-то я уже такое чуял, только где? — Крот остановился и задумчиво принюхался. — Нет, за давностью лет уже не припомню. — Нюх внезапно повёл его вправо, к цветку. — Так, тут надобно полить.

— Ну и что с камешками? Ты планируешь их тут посадить? — обратился он вновь к Аки.

— Зачем? — мальчик сжал кулачки и затем незаметно сунул подарки обратно в карманы.

— Затем же, зачем и все тут что-то сажают. Мечты и таланты, мой юный друг, желает выращивать каждый. Видишь, сколько их тут уже растёт?

— Так это всё мечты и таланты? А чьи? — Глаза Аки загорелись.

— Всех и каждого, каждого и всех, — загадочно и немного грустно проговорил Крот.

— А мои тут тоже есть? — мальчик замер: вдруг окажется, что его собственные мечты совсем не такие, какими он их себе представлял?

— Ты бы тут не оказался, если бы что-то не посадил.

— Значит, есть, — Аки утвердительно кивнул, а затем посмотрел по сторонам.

Цветы были самые разные: от пышных ярко-красных пионов до маленьких полупрозрачных одуванчиков. Росли здесь и деревья, но не такие, как в лесу. Эти выглядели как-то особенному. Видимо, взяли моду с местных цветов и разукрасили себе листья. Да ладно бы только листья! У неко-

торых деревьев были разноцветные стволы: белые, синие, оранжевые и даже сиреневые.

— Нравится мой сад? — Крот заметил интерес к его коллекции.

— Он очень… разноцветный, — Аки попытался подобрать точное слово, хотя это у него никогда специально не получалось. То ли дело нечаянно.

— Ты подожди, видишь, вон там растут дикие маки? Они предпочитают кучковаться вместе, характер у них капризный: другие цветы их не выносят. Эх… А чуть правее, за кустом, видишь маленький росток? Это белое дерево. И оно, мой друг, может вырасти очень высоким. Посмотри, какую огромную тень оно уже отбрасывает. И всё же какой потенциал!

Аки проследил за словами Крота. Тень вела себя и вправду странно: она почему-то решила вырасти даже больше соседнего дуба.

— А тут, тут у меня мои снежики, совсем небольшие и очень ранимые, — по-отечески мягко произнёс Крот.

— А чем они друг от друга отличаются, ваши растения? Почему одни больше, а другие меньше? — Аки рассматривал маленький снежный цветок. Такие росли далеко в Южных горах. Иногда их привозили и к ним на праздник Звёзд.

— Видишь ли, мой юный друг, это как инструменты. Кому-то дают большой молоток, чтобы высекать в камне лестницу, а кому-то маленькую иголочку для вышивки. Не бу-

дешь же ты высекать узор на ткани молотком или дробить камень иголкой? Так и тут — у каждого из этих талантов своя цель.

— Значит, и у моего таланта тоже есть какая-то цель? Интересно, он такой же маленький, как и я, или всё же больше, как тень у белого дерева? А может, он, как сверчок, постоянно растёт?

— И? — сверчок с удивлением посмотрел на себя. Похоже, шустрое насекомое само не поняло, как выросло так быстро.

Крот засмеялся.

— В этом придётся разобраться уже самому. Пойдём, я тебе бабочек ещё покажу. Только не пугайся моих помощников.

Сверчок выпятил грудь, изображая храбрость. Аки выпрямился: уж что-что, а пугаться он больше не собирался, одного камнепада на его голову было достаточно.

Они свернули с тропинки. Крот шагал бережно, боясь задеть цветы. Сверчок старался не попасться под ноги.

За поворотом показался мужчина в длинных белых одеждах. Цвет его кожи напомнил Аки жемчуг, переливающийся на солнце. Незнакомец казался чуть ниже мальчика, но стоило Аки присмотреться, как тот стал уменьшаться, а через мгновение и вовсе исчез в траве.

— Обычно они работают в глубине сада, на рассвете, — пояснил Крот. — Собирают пыльцу, распределяют её между

растениями, а остатки относят в хранилище. Поливают цветы, а иногда даже помогают сажать новые. Но это редко.

Крот вывел их на поляну. Здесь было ещё около десяти таких же мужчин и женщин, одетых одинаково. Их волосы были цвета снега — Аки никогда таких не видел. Перемещаясь между растениями, маленькие помощники то и дело прикладывали руки к земле, а потом шёпотом о чём-то переговаривались. И, к счастью, не исчезали.

И тут на поляну вылетели бабочки, большие, размером с целого страуса. Кто-то из снежных людей садился на них и облетал сад сверху. Они собирали золотистые песчинки и разносили их другим растениям. Мальчик не мог объяснить, почему, но после этого растения будто наполнялись светом и цвели-цвели, даже если бутонов не имели.

Одна из бабочек приземлилась около них. Аки от восторга шагнул вперёд. Мальчик хотел было спросить, можно ли ему на ней покататься, но заметил, что Крот как-то ссутулился. Взгляд его был обращён в сторону красивого жёлтого лепестка. Весь покрытый тоненькой морозной сеточкой, тот грустно поник.

— Эх, и этот талант загубили?

— Кто? — Аки вдруг стало очень жалко талант. Но чем он мог помочь?

— Его обладатели. А должен был вырасти такой красивый цветок! — Крот сокрушённо вздохнул, осматривая потухший бутон.

Мальчик осторожно протянул ладонь и тут же её отдёрнул: вдруг он сделает только хуже. Но лепесточек, такой хрупкий, не желающий умирать, шевельнулся и потянулся в ответ. Аки вздрогнул.

— Что с ним произошло? — шёпотом спросил он, но Крот услышал.

— Это погасшие мечты людей: они увядают, так и не раскрывшись.

— А вы… вы случайно не можете ему как-то помочь?

— Я слежу за этим садом, но не я даю им почву, чтобы расти.

Мальчик наморщился.

— Но вы же их даже не видите! — Аки, казалось, только это заметил.

Он начинал злиться, от бессилия. Ну почему всегда так? Он никому не может помочь! *Он даже не смог помочь папе.*

— Для того, чтобы их видеть, не обязательно иметь глаза, — ответил Крот, — достаточно уметь понимать их мысли.

— Что ещё за мысли? — буркнул Аки: он уже совсем не хотел разговаривать со слепым Кротом, да и вредность возвращалась.

— А на чём же, по-твоему, растут таланты и мечты? На мыслях.

— Впервые такое слышу. Апчхи! — Пыльца, разносимая снежными человечками, забилась мальчику в нос. — Но если они растут на мыслях, а вы эти мысли понимаете, то вы

должны знать, как им помочь, — Аки упрямо не сдавался.

— Ты можешь попробовать им помочь сам, со своими камешками, — предложил Крот и принюхался. — Они у тебя пахнут радостью и надеждой. Таким можно удобрить растения.

Аки поджал губы: камешки были нужны ему самому. Он же специально их подобрал! Но цветы было очень-очень жалко. Аки невольно сжал кармашки штанов, затопал… и внезапно разревелся.

— Я-я не хочу… Они мне нужны! Но им тоже нужны. Я не зна-аю… — Он плюхнулся на землю.

— Ну-ну, ты что так сразу — и плакать, — Крот неловко погладил Аки лапой по голове.

— А можно как-то по-другому? Х-хоть что-то сделать?

— Не уверен… — начал было Крот.

Мальчик хлюпнул носом и поднял голову.

— А если… — Аки боялся, что его догадка окажется неверной, — а если подумать о своей самой большой мечте, а затем ею поделиться?

— Не знаю, не знаю, — Крот покачал головой.

— Я… я хотел бы попробовать, — робко произнёс малыш.

— Ну хорошо, — вздохнул Крот.

Аки зажмурился сильно-сильно и одними губами прошептал:

— Я мечтаю… папа… — Он сжал кулачки и открыл глаза.

Пыльца Акиных намерений тут же поднялась в воздух, а затем перелетела на цветок. Бутон наполнился золотистым сиянием. Оно спускалось всё ниже и ниже, пока не проникло в сам корень.

Сверчок с интересом поднял голову. Мальчик напрягся: он начал уже уставать.

— Как же это сложно — опылять мечты людей!

Но тут Аки заметил, что цветок стал оживать. Маленькие бабочки — водились здесь и такие — запорхали вокруг, подхватывая пыльцу, и разнесли её над садом. Сотни растений начали наполняться светом. И уже их пыльца взвилась в воздух.

Янтарное сияние множилось: от цветка к цветку, от дерева к дереву. Вскоре засиял весь сад.

— Как красиво! — воскликнул мальчик.

— Й-и, — сверчок высунул язык, стараясь поймать янтарные блёстки.

— Они светятся, светятся! — Аки радостно подпрыгнул. — И зажигают другие цветы мечтами.

Мальчик, смеясь, закружился под золотым водопадом.

— У меня получилось! Но как?

— А зачем ты наклоняешь голову? — спросил Крот.

— Я всегда так делаю, когда мне что-то интересно, но непонятно, — ответил малыш. — Я меняю угол своего взгляда, и мир сразу становится шире. А если он шире, то и ответ проще найти.

— Это ты хорошо сказал, — Крот тут же повторил жест Аки. — Раз, и мир чуется другим.

— Но я всё же не понимаю…

— А ты попробуй не только расширить мир, но и переместить своё внимание, — посоветовал Крот.

— А оно умеет перемещаться? — Аки никогда бы не подумал, что внимание способно ходить.

— О, ещё как. Иной раз, знаешь, каким шустрым бывает? Не уследишь.

— А вдруг оно совсем от меня убежит? — испугался мальчик.

— А ты держи его за хвост и медленно перемещай.

Аки прищурился, чтобы внимание не дай бог не проскочило мимо его глаз, и посмотрел на цветок.

— Ой, у меня в груди печёт.

— А вот и ответ.

— Какой? — Аки потрогал руками грудь.

— Твоё сердце, — Крот даже прослезился. — Если у тебя чистое сердце, оно может вновь зажечь чьи-то мечты.

— Но сегодня я был ужасно вредным, — мальчик стыдливо опустил голову и шёпотом добавил: — И жадным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.